

ЕГОР ЧЕРЛАК

ПОСЛЕДНИЙ ГОРИЗОНТ

инсценировка по повести Георгия Владимова «Большая руда»

Действующие лица:

- Виктор Пронякин - водитель самосвала;
- МАЗ - его самосвал;
- ЯБЛОНЯ В БЕЛОМ;
- ЯБЛОНЯ В РОЗОВОМ;
- АНТОН - экскаваторщик;
- ХОМЯКОВ - начальник карьера;
- РИТА - знакомая Пронякина;
- МАЦУЕВ И ЧЛЕНЫ ЕГО БРИГАДЫ.

Пролог

На абсолютно пустую, голую сцену поворотный круг вывозит парня с гармошкой. Это Миша, известный на весь Лозненский рудник гармонист. На Мише чёрная бархатная курточка и необъятные галифе, заправленные в грубые кирзачи. На голове у гармониста - старая замасленная военная фуражка, в зубах - погасшая папироса.

С выражением необъяснимого, почти идиотского счастья на лице Миша играет на гармошке. Впрочем, слово «играет» не подходит - Миша яростно терзает гармонь, он так растягивает её меха, что кажется: инструмент вот-вот лопнет по швам. Получается очень громко, агрессивно, если не сказать остервенело.

Что играет Миша? Трудно разобрать. Для непосвящённого - это нечто среднее между танцем лебедей и саратовской «матаней».

Вдруг взгляд Миши зацепился за сидящих в зале людей. Миша хмыкнул, выплюнул окурок, заиграл потише и сошёл с круга. Вот он приблизился к авансцене, вот он вглядывается в сумрак зрительного зала.

Ни с того ни с сего Миша ощерился и неистово заорал:

- Кралечку нашу затралили! Увести хотят!

Довольный - он захохотал и с удвоенной яростью взялся за свою гармошку. Не переставая играть, Миша снова встаёт на круг, который медленно уносит его в темноту закулисья. И уже оттуда мы слышим его разбойничий крик:

- Говорю же - затралили! Держи вора-босяка!

Картина первая

Поворотный круг выносит на сцену Пронякина. Это русоволосый молодой мужчина с трудной складкой у рта, в парусиновых штанах, в низко надвинутой кепке и куртке на «молниях». Он появляется не один, вместе с Пронякиным - его МАЗ.

ПРОНЯКИН. ...А я как увидел этот карьер, эту дырку в поверхности земли, так сразу себе и сказал: тут работы - мама родная! Не может быть, Витя, чтобы ты тут не окопался.

Виктор деловито подходит к МАЗу - высокому, лобастому, угрюмоватому парню в рабочей спецовке и кепке. Он внимательно оглядывает его, потом разворачивает к себе спиной - и снова оглядывает. Скептически хмыкает.

ПРОНЯКИН. А что! Девять лет за баранкой - это тебе не псу под хвост. На Урале вон кирпичи возил, в Иркутске, на строительстве ГЭС, - взрывчатку... Да и в армии тоже на машине. И ни одного прокола в талоне. Ни одного!

МАЗ (*недоверчиво качает вихрастой головой*). Так уж и ни одного...

ПРОНЯКИН (*достаёт талон, демонстрирует*). Чистенький!
(*вздыхает*)

Да вот беда - на дизельных не приходилось. Чего только не было, по каким только дорогам не ездил... И на диффер садился, и в студёной степи с заглушим мотором сидел. В Орле - на такси, в Ялте - на автобусе... А вот на тебе - на дизелях не довелось.

(*придирчиво ощупывает МАЗу руки, плечи*)

Не довелось, вот ведь какая штука.

В это время поворотный круг привозит на сцену Хомякова, высокого сутулого мужчину в очках. Прежде чем сойти с круга, Хомяков ногой выталкивает на сцену увесистую глыбу цвета запёкшейся крови. Это железная руда, до которой хотят докопаться все наши герои, или по простому синька.

ПРОНЯКИН (*кивает на Хомякова*). Я начкарьера так и сказал: не приходилось, товарищ начальник. Но я всё равно от вас никуда не уеду. Я как услышал по радио про эти дела...

(*ставит ногу на глыбу*)

...Как услышал, так себе сразу и сказал: стоп, Витька! Это как раз для тебя. Никуда ты не денешься с Курской аномалии. Тебе руду эту самую добывать. Большую руду.

МАЗ. А он что? Начальник-то - что сказал?

ПРОНЯКИН. А что он может? Разговора, сказал, у нас с вами, Пронякин, не будет. Знаю, приехали по объявлению, раструбили про нас газеты на весь Союз. А нам, говорит, расхлёбывать теперь, поворачивать народ от ворот. Нам дизелисты, говорит, нужны!

МАЗ. А про руду говорил? Он всем про руду рассказывает...

ПРОНЯКИН. А как же... Пока, говорит, большой руды нет, пока только породу таскаем, - фигура начкарьера самая последняя, от него ничего не зависит. Езжай, сказал, и учись на самосвал. Пойдёт руда - другое дело.

МАЗ. Но ведь взял же? Взял тебя, принял?

ПРОНЯКИН. А куда бы он делся! Я ведь как... Я, говорю, никуда от вас не уйду. Некуда мне уходить. Намотался, поверх головы хватит. Да и поистратился я на дорогу, обратно ехать не на что. А потом я ему знаешь что сказал...

(*смеётся*)

Не нынче, так завтра, говорю, будет руда. Такое вот у меня, понимаешь, личное впечатление.

МАЗ. А он?

ПРОНЯКИН (*осматривает ноги МАЗа*). Ну, и он тоже... Спёкся, короче. Берёт у меня, значит, папиросу - я его «Беломорканалом» угостил - и говорит: знаешь, Пронякин, у меня тоже такое впечатление, что вот-вот должна быть большая руда.

МАЗ (*тоже смеётся*). Точно - спёкся!

ПРОНЯКИН. А как же! Короче говоря, послал меня в автоколонну, сказал разыскать там Мацуева, бригадира. Он, говорит, для тебя какой-нибудь заваливающий мазик найдёт.

МАЗ (*с обидой*). Заваливающий...

ПРОНЯКИН. Он так сказал.

МАЗ. Мазик?

ПРОНЯКИН. Мазик, мазик... Дизель.

(*пробует бицепсы МАЗа*)

Только, говорит, намучаешься ты с ним. МАЗы-то у нас того - отживающая тягловая единица.

МАЗ. Что, уж на них ездить совсем нельзя?

ПРОНЯКИН. Да как сказать... МАЗ - машина хорошая, лучше иной десятитонки. Только норма выработки по-уродски составлена. Когда начинали копать, не жаловались мазисты, а теперь на 85 метров зарылись. Километраж вон как увеличился, крутизна дорог опять же, а нормы прежние.

МАЗ (*кивает на Хомякова*). Тоже он сказал?

ПРОНЯКИН. Он самый... И подписал моё заявление.

(*хитро подмигнул МАЗу*)

Где наша не пропадала!

Пронякин начинает прислушиваться, ему показалось, что из-за сцены доносятся звуки гармошки. Такое впечатление, что Виктор хочет направиться в ту сторону. Однако он резко останавливается - словно внезапно что-то вспоминает.

ПРОНЯКИН. И вот ещё что... Я начальника спрашиваю: и долго мне хуже всех будет? Ну, на пятитонном МАЗе вместе с десятитонками-трёхосниками грунт возить с нижнего горизонта... А он знаешь, что ответил?

МАЗ пожимает плечами.

ПРОНЯКИН. Одно из двух, говорит: либо руду достанем, тогда уж нормы пересмотрят, либо раньше все МАЗы изведём. Я, говорит, лично на руду надеюсь.

МАЗ (*тихо*). Вот и я... Я тоже на руду надеюсь.

Картина вторая

На сцене появляется Мацуев, его доставляет всё тот же поворотный круг (Хомяков тем временем исчезает за кулисами). Как и Хомяков, бригадир шоферов привозит с собой ржаво-красный булыжник, ногами он подкатывает камень к тому месту, где лежит первый. Разобравшись с куском руды, Мацуев становится в сторонке и внимательно смотрит на Пронякина из-под лохматых бровей - словно оценивает его. Одновременно он тщательно вытирает ветошью от масла свои большие волосатые руки.

ПРОНЯКИН. Автоколонну я нашёл быстро, её гаражи сразу за лесом. А дальше - дробильная фабрика. Спросил шоферов, где бригадир, показали...

МАЗ (*быстрый взгляд на Мацуева*). Серьёзный дядька...

ПРОНЯКИН. Брови одни чего стоят... И голова квадратная...

МАЗ (*нетерпеливо*). Ну, и что он насчёт машины?..

ПРОНЯКИН. Что, что... Мазик, говорит, у меня действительно есть, незанятый. Только его чинить надо. Сильно чинить. В общем, механик тут требуется.

МАЗ (*несильно толкает Пронякина кулаком в грудь*). Так вот же он - механик!

ПРОНЯКИН. Вот и я ему то же самое... Диплома, говорю, правда, нет, руки зато есть.

МАЗ. Ну, и как мазик?

Пронякин отвечает не сразу. Сначала он отступает от МАЗа на несколько шагов, обходит его со всех сторон. Качает головой.

ПРОНЯКИН. Это постараться надо, чтоб так машину угробить. По морде бить надо за такую езду...

(*морщится*)

Ободья избиты, руль люфтит, тяга оборвана, шлицы кардана поистерлись, в коробке трещина - масло течёт. А про задний мост и говорить нечего - рукой проворачивается.

МАЗ. Вот и отказался бы...

ПРОНЯКИН. Во-во-во... Мацуев мне тоже так и сказал: откажешься, может? А я ему: совсем даже наоборот. Берусь. Потому что плакать у меня нету привычки. В армии и не такие чинили.

МАЗ. В армии! В армии запчасти, наверное, были.

ПРОНЯКИН. Были.

МАЗ. А здесь нету. Дефектная ведомость есть, а запчастей нету! Вот так...

ПРОНЯКИН. Ничего. Что, я на новых стройках не бывал? На свалках всегда что-нибудь есть. Чего на свалке не найдёшь, у шоферов обменяешь. Свои чем-то поделаются...

(шутливый тычок кулаком в живот МАЗу)

Ну, и мастерская... Мастерская в автоколонне есть - слабенькая, а своя!

Пронякин властно берёт МАЗ за плечи, почти насильно усаживает его на пол. Он снимает с МАЗа куртку от спецовки, кепку, ерошит ему волосы...

ПРОНЯКИН. Я ведь так думаю: машина - она тоже человек, только железный. Понятно?

МАЗ. Конечно, человек!

(обращается в зал, пока Виктор занимается осмотром его состояния)

На следующий день Виктор отбуксировал МАЗ к смотровому люку, лебёдкой снял с него платформу кузова, кабину и двигатель. Он приподнял раму, из-под которой слесаря выкатили передний и задний мосты и, вооружившись отвёрткой, принялся разбирать двигатель. К исходу второго дня он уже увидел свой МАЗ по-настоящему, увидел все его раны, болячки, язвы, все сколы, забоины и трещины, все погнутости и вмятины, увидел его святая святых - рабочую поверхность цилиндров. Когда-то она была зеркальной, эта поверхность. Теперь же она была покрыта нагаром и пылью.

ПРОНЯКИН *(выпрямляется и отходит от МАЗа)*. Вот тогда-то я и понял, что никуда отсюда не уйду. Никуда.

МАЗ. Он просмотрел и обшарил несколько автомобильных и экскаваторных свалок, где можно было кое-что разыскать. Потом он долго отмывал найденные детали в бензине, отпиливал заусеницы, делал напавы, сам отшлифовывал их на станке... Пронякин оставлял себе только то, что садилось впритирку, а остальное шло в оборот, на обмен. И потихоньку, по крохам, пробелы в дефектной ведомости заполнялись.

ПРОНЯКИН. Незаметно эти шесть тонн металла, пластмассы и резины приобретали рабочий облик. Всю эту адову работёнку мы со слесарями провернули за неделю.

МАЗ медленно поднимается. Некоторое время он стоит, покачиваясь, видимо, не очень уверенный в том, что он в состоянии самостоятельно держаться на ногах.

МАЗ *(удивлённо)*. Да, всего за одну неделю... Ишь ты...

ПРОНЯКИН. И вот настал тот самый день... Таль поставила на место кабину и собранный двигатель. Я подвёл патрубки топливопровода, подсоединил электропроводку. Хотел сделать всё сам.

(смотрит на МАЗ)

Сам, понимаешь?

МАЗ. Понимаю... Но руки у тебя всё-таки дрожали. Да?

ПРОНЯКИН. Было такое... Неприлично дрожали... Да ещё слесаря эти над душой торчали: пойдёт, не пойдёт...

МАЗ (*делает несколько резких движений*). А оно пошло!

ПРОНЯКИН. Не спеши! Чего спешишь, чудак? Сначала движок проверим.

МАЗ чихает.

ПРОНЯКИН. Будь здоров!.. Движок провернулся, заворчал и чихнул.

МАЗ. Виктор увеличил подачу топлива - и двигатель взревел...
(*потрясает кулаками*)

Как он взревел!

ПРОНЯКИН. Взревел - и весь окутался синим выхлопом...
(*счастливо смеётся*)

Чудак, куда ты торопишься? Ты же ещё не родился.

МАЗ. Но я уже родился!

(*начинает медленное движение по поворотному кругу*)

Родился! Пусть я пока стоял на опорах, но мне уже хотелось на волю. И слесаря это поняли - они пошли и открыли ворота пошире. А я откликнулся на хлынувший свет блеском стали, меди и смазки, матовым сиянием белого чугуна.

ПРОНЯКИН. Оставались уже пустяки: собрать и поставить скаты, заклепать пробоины в кузове, залатать сидение. А напоследок я поставил в машину новый спидометр. Пусть он отсчитывает километры с первой нашей ходки!

МАЗ. А про краску, про краску забыл?

ПРОНЯКИН. Нет, не забыл. Я решил сделать мазик трёхцветным - потому что он, ей Богу, имел на это право за все свои страдания. Я купил несколько банок краски - серой, тёмно-зелёной и чёрной - и выкрасил машину. Теперь я узнал бы свой МАЗ среди тысячи!

Мацуев, продолжая вытирать руки ветошью, приближается к отремонтированному МАЗу, обходит его с разных сторон, оценивает взглядом.

ПРОНЯКИН (*подмигнул МАЗу*). Бригадир лично пришёл принимать работу. Он осмотрел силовую передачу, поднял капот, завёл двигатель. В третьем цилиндре, говорит, у тебя шумок лишний.

МАЗ. Лишний?.. В третьем?..

ПРОНЯКИН. Ага... Говорит, форсунку подрегулировать надо.

МАЗ. Ну, а ты?

ПРОНЯКИН. Ну, что... Повернул я ключом регулятор немного влево...
(*после многозначительной паузы - хитро прищурившись*)
А потом немного вправо... Говорю бригадиру: теперь хорошо?

МАЗ. А он?

ПРОНЯКИН. Хорошо, говорит. Теперь - хорошо.

Оба - и Пронякин, и МАЗ - понимающе смеются.

ПРОНЯКИН. И на дороге машину опробовали. До железнодорожной ветки я за рулём, обратно - бригадир. Доволен остался. Педали, говорит, слишком легко ходят - а так доволен. Иди, говорит, оформляйся, теперь никакой отдел кадров прицепиться не посмеет.

(*переходит на другую сторону сцены*)

Ну, а в воскресенье отметили рождение мазика. Всей бригадой отметили - с Федькой, с Прохором, с Косичкиным по кличке Японец, с Генкой Выхристюком. С бригадиром, само собой... Культурно отметили, шампанским - из пивных кружек его пили. Шампанское хоть и тёплым было, а всё равно все остались довольны.

Круг по одному доставляет на сцену членов бригады Мацуева. Каждый из них привозит с собой увесистый кусок железной руды, складывает в общую кучу. На сцене постепенно вырастает маленький курган.

МАЗ. Конечно, довольны!.. И уже на другое утро Виктор шёл с ними из общежития в автоколонну как свой, неторопливо, молча. Он сел в кабину и попробовал двигатель на малых оборотах. Стук был ровный, мягкий, одинаковый во всех четырёх цилиндрах. Один за другим взревели самосвалы, они выезжали по очереди и двигались как танки в свирепом рычании и в чёрном дыму. Не ходко двигались, но непреклонно. Казалось, ничто не остановит их.

Члены бригады, немного постояв на сцене, уходят.

ПРОНЯКИН. А потом я увидел яблоньки. Две яблоньки у конторы.

На сцене появляются две девушки в нарядных сарафанах. Молодые, симпатичные, смешливые и дерзко-застенчивые. Яблоньки держатся за руки.

ЯБЛОНЯ В БЕЛОМ. Когда-то на месте рудника был сад. Потом молодые деревья перенесли, а старые просто вырубил.

ЯБЛОНЯ В РОЗОВОМ. Только две молодые яблони возле конторы никому не мешали, их оставили расти.

(*захихикали, зашептались о чём-то*)

ПРОНЯКИН. Эти яблони я и выбрал, как зрительный ориентир. Они обозначали конец дьявольскому подъёму из карьера - с самого нижнего горизонта. Конец этой крутой дороги по серпантину - вверх, над самым обрывом. Сворачивая в выездную траншею, я видел их острые верхушки, которые понемногу сливались в густую крону и, наконец, раздваивались тонкими стройными стволами.

(*Пронякин улыбается*)

- А вот и мы! - говорил я этим яблонькам. И глаза отдыхали на них.

МАЗ (он продолжает наматывать трудные круги по движущейся поверхности). Ему на машине, которая брала один, а не два, как остальные, ковш грунта, за смену нужно было сделать на семь ходок больше. Поэтому во время работы Пронякину пришлось сантиметр за сантиметром пододвигаться к ним - к Прохору, к Федыке, к бригадиру Мацуеву, к Генке Выхристюку, к Косичкину по кличке Японец. Пододвигаться, а потом оставлять их позади. Ребята не возражали.

ПРОНЯКИН. Ребята не возражали! Все же знали, что мне нельзя без обгона. Мацуев высовывался из кабины и кричал: «Чего топчешься? Проходи! Тебе же больше всех надо».

(подмигнул МАЗу)

Вот именно, больше. И я увеличивал подачу топлива.

(бросает взгляд на Яблони, машет им рукой)

О, яблоньки! А вот и мы. Снова - мы!

Яблони в ответ прыскают от смеха, весело шепчутся и тоже машут руками.

ЯБЛОНЯ В БЕЛОМ. После карьера на прямой ему было проще. По бетонке, ведущей к отвалу, машины двигались с большим интервалом и он мог маневрировать. Мог резко забирать влево, а при случае и рискнуть на двойной обгон.

ЯБЛОНЯ В РОЗОВОМ. Он решил, что это будет главный его козырь. На этих трёх километрах он мог обогнать по десять, а то и по двадцать машин в рейс. Теперь Виктору следовало подумать, как выиграть время на отвале.

МАЗ. И он придумал. На следующий день Пронякин подобрал на стройке тонкостенную трубу и протянул её на кольцах вдоль борта, соединив со щеколдой, которая запирает кузов. Штанга была устроена так, что он мог открывать и закрывать задний борт, вылезая лишь на подножку. Штука была в том, чтобы грунт посыпался в отвал как раз в тот момент, когда заднее колесо упрётся в ограждающее бревно - как раз в эту секунду он и отстёгивал щеколду. На этом Виктор выигрывал минуты полторы.

ПРОНЯКИН. А потом мне вот что в голову пришло. Я ведь могу отправляться в путь и закрывать щеколду одновременно. И вот я даю короткую прогазовку, включаю полную скорость, а потом вылезая на подножку орудовать штангой.

ЯБЛОНЯ В БЕЛОМ (испуганно). Он висел, держась одной рукой за борт машины, спиной к движению. А другой в это же время дёргал за штангу, ведущую к щеколде.

ЯБЛОНЯ В РОЗОВОМ (тревожно). А машина между тем всё набирала ход! Если бы он свалился случайно, самосвал пошёл бы дальше и наделал делов.

ПРОНЯКИН (отмахивается). Но я об этом не думал. И не слишком обращал внимание, когда встречные шофёры бледнели, чертыхались и сворачивали в сторону. В конце концов, им же не приходилось вылезать на подножку и делать лишних семь ходок.

МАЗ. В этот день Виктор всё-таки вытянул норму и даже сделал две ходки сверх неё. Это было ещё не то, о чём он мечтал, но он знал, что остальное решат другие минуты. Минуты, которые он выиграет, если приучит Антона-экскаваторщика не валять дурака, а сразу насыпать ему груз по центру кузова и если он все-таки рискнет раз-другой обогнать на спуске.

ЯБЛОНИ (*хором*). На спуске? Но это же запрещается. Строго-настрога запрещается!

Вместо ответа Пронякин хмыкает и пожимает плечами.

ПРОНЯКИН. Виноват я, что ли, что у вас тут такие дурацкие нормы?

Картина третья

На сцене мы видим только Пронякина и Яблони. Откуда-то издалека слышен звук гармошки.

ЯБЛОНЯ В БЕЛОМ. В тёмно-синем костюме, купленном в Москве, и в галстук, взятом напрокат у Антона-экскаваторщика, пахнувший «Шипром» - таким появился Виктор вечером на танцплощадке Рудногорска.

ЯБЛОНЯ В РОЗОВОМ. Здесь было 80 или даже 100 танцующих пар. А парни и девушки всё выходили из темноты с непреклонным намерением взять своё. Вышла и Рита.

Поворотный круг вывозит на сцену Риту. Она добавляет в курган свой тёмно-красный камень. Спустя некоторое время к ней подходит Пронякин.

ПРОНЯКИН. Протиснемся или с краю потанцуем?

Рита неопределённо повела плечами.

ПРОНЯКИН. Тогда протиснемся.

Пронякин подхватывает Риту, тесно прижимает её и танцует под усилившийся звук гармоники.

ЯБЛОНЯ В БЕЛОМ. О чём они говорили? Да о том, о чём говорят все случайно встретившиеся люди: о том, давно ли каждый из них приехал, о том, нравится ли им здесь или нет, о работе - ведь Рита работала в рудоуправлении.

ЯБЛОНЯ В РОЗОВОМ. Народу на танцплощадке было много. Со всех сторон напирала, толкали, и невольно она прижималась к нему низкой и мягкой грудью. Виктору это было не очень приятно, потому что он совсем ничего к ней не чувствовал.

Звук гармошки резко обрывается и с последним её звуком Виктор и Рита резко отшатываются друг от друга - словно они оба одновременно испугались чего-то. Несколько секунд они так и стоят - на расстоянии пары шагов. Молчат.

ПООНЯКИН. Провожу, что ли?

Рита прячет лицо, потом отворачивается и быстрым шагом уходит.

ПРОНЯКИН. Я смотрел ей вслед, и когда она заслонила оранжевый свет своего подъезда, было видно, как она странно изгибается всем телом и как высоко держит голову. Тогда я ещё подумал: и не споткнётся! Наверно, Бог таких бережёт. Она прошла весь грязный неровный пустырь, заваленный битым кирпичом и железным ломом, и, так и не оглянувшись, быстро исчезла в подъезде.

Пронякин стоит, смотрит вслед девушке, которую круг уносит в тёмное закулисье. Потом закуривает и задумывается о чём-то. Надолго задумывается.

Картина четвёртая

Поворотный круг вывозит на сцену одетого в кепку и тельняшку Антона. Он тоже приезжает не с пустыми руками, он привозит с собой внушительный кусок руды. Сойдя с круга, Антон добавляет камень в общую пирамиду. Следом за ним на сцене появляются Пронякин и МАЗ.

ПРОНЯКИН. Да я мучился... Я страдал, оттого, что в очереди к экскаватору нельзя выключить двигатель, дать отдохнуть ему и себе. Каждые полторы минуты нужно подтягивать машину на один интервал. К тому же водители тяжёлых трёхосников могли не вылезать из кабины - у них был прочный козырёк над головой, который защитил бы, если бы машинист промахнулся и ударил ковшом по кабине.

МАЗ. Раза два Антон высыпал груз не по центру кузова...

(грозит Антону кулаком)

Пронякину из-за этого пришлось высыпать породу и снова становиться в конец очереди. Подниматься с перекошенным кузовом было мучительно и опасно.

МАЗ становится на круг и начинает своё тяжёлое движение.

ПРОНЯКИН. Но ещё опаснее было, когда начинался дождь. Уже на пятой ходке я заметил крупные капли на стекле - и сердце упало. А на обратном пути я увидел на обочине несколько машин.

МАЗ остановился.

ПРОНЯКИН *(Антону)*. Шабаш, значит?

Вместо ответа Антон швыряет кепку на землю, садится неподалёку от Пронякина.

ПРОНЯКИН *(в никуда)*. Шабаш...

(после короткого раздумья)

Сделаю покамест ещё одну ходку, а там поглядим.

МАЗ возобновляет движение. Антон со смесью удивления и восхищения глядит на обоих.

МАЗ. Мы спускались по бетонке, уже покрывшейся прозрачным лаком. Мы были единственными, кто в этот час въезжал в карьер. Мы прошли два витка, миновали опасное место у рыжего глиняного пласта, стали спускаться к экскаватору.

ПРОНЯКИН (*Антону*). Насыпай, что ли...

Антон хмыкнул, покачал головой. Поднялся с земли.

МАЗ. Антон нам всё высказал: и про дождик, и про Мацуева, и про то, что он думает о пронякинских рекордах... А между тем руки его упали на рычаги, экскаватор дёрнулся и стрела пошла к груде породы.

ПРОНЯКИН (*Антону*). И не отключай покамест. Я ещё вернусь!

(*глядит куда-то вверх, вытирает лицо*)

Струи уже пересекали дорогу. Но колёса не буксовали - я чувствовал это по шуму двигателя. Колёса не боялись воды, они боялись размокшей глины.

МАЗ (*с трудом идёт по кругу*). Медленно, ощущая каждый оборот колеса, мы прошли второй горизонт, потом третий. Отсюда был виден весь карьер, затянутый туманной сетью. Антон-экскаваторщик вышел из своей будки и провожал нас глазами. Взрывники, оставив свои станки, тоже смотрели на нас.

(*движение МАЗа ещё больше затрудняется, становится*

мучительным)

У рыжего пласта двигатель вдруг зачастил, как на холостом ходу, и комья глины поползли вверх. Мы пошли назад.

(*поворотный круг сносит МАЗ немного назад*)

ПРОНЯКИН (*громко, резко*). Но, дура!

Пронякин хватается МАЗ за плечо, тот останавливается. Через пару секунд Виктор плечо отпускает - и МАЗ медленно идёт вперёд.

ПРОНЯКИН. Так-то лучше...

МАЗ (*следует по крутящемуся кругу*). Комья глины снова ползли под колёса, а потом перестали ползти и двигатель взревел от ярости, которая передалась ему от водителя. Пронякин держал самосвал, не отдавая ни сантиметра дороги, а затем начал отвоёвывать эти сантиметры, пока машина не пошла вперёд, наращивая ход.

На сцене появляются Яблони.

ЯБЛОНЯ В БЕЛОМ. На пятом горизонте дорога стала положе, здесь ничего опасного уже не было.

ЯБЛОНЯ В РОЗОВОМ. Просто дорога тут была узковата, нужно было держаться поближе к склону и не смотреть вниз.

ПРОНЯКИН (*замечает яблони и расплывается в улыбке*). Яблоньки... А вот и мы!
(*машет рукой*)

МАЗ. В конце выездной траншеи Виктор увидел нескольких шоферов. Он улыбнулся, выставил руку вперёд. Но никто не ответил на улыбку.

Внезапно раздаётся оглушительный разбойничий свист. Яблони, МАЗ, Антон - все вздрогнули и посмотрели в сторону свиста. Только Пронякин не вздрогнул и не посмотрел. Он только низко наклонил голову - как в предчувствии удара.

ПРОНЯКИН (*сквозь зубы*). Так?.. Значит, так теперь?.. Ну, хорошо!
(*широким движением стирает с лица то ли воду, то ли краску стыда*)
А ты чего хотел?.. Не любишь?..

Пронякин швыряет на землю кепку, широкими шагами уходит со сцены.

Картина пятая

Теперь настала очередь познакомиться с членами бригады Мацуева. Их выносит на сцену поворотный круг, они выезжают по одному - и наращивают каменный курган своими кусками руды. Водители самосвалов разбредаются по сцене и начинают заниматься своими делами: этот изучает путевой лист, этот обедает, те вон в картишки решили перекинуться...

Из-за кулис выходят Яблони.

ЯБЛОНЯ В БЕЛОМ (*подобрав кепку Пронякина*). Он прошёл длинным пустырём, чувствуя на себе насмешливый взгляд, и вошёл в столовую.

ЯБЛОНЯ В РОЗОВОМ. У самых дверей сидели Мацуев, Косичкин, Федька и ещё кто-то из другой бригады.

(*подбегает к Федьке, берёт его пиджак, накидывает себе на плечи*)

Они замолчали при его появлении. Места рядом с ними не было.

ЯБЛОНЯ В БЕЛОМ (*надевая пронякинскую кепку*). Он взял обед и пошёл с подносом к одинокому столику в полутёмном углу. Ему хотелось сесть спиной к ним, но он заставил себя сесть боком. Он знал, что они говорят о нём.

Яблони приближаются друг к другу.

ЯБЛОНЯ В РОЗОВОМ. Федька с грохотом поднялся и направился к его столу.

(*изображая Федьку - к Пронякину*)

Как работёнка?

ЯБЛОНЯ В БЕЛОМ (*изображая Виктора*). Ничего, не пыльная. Скаты в порядке, поршня не стучат, нигде не заедает.

ЯБЛОНЯ В РОЗОВОМ. Понятно... Героем себя чувствуешь. Приятно, небось?

(*пауза*)

А встречали как - не понравилось?

ЯБЛОНЯ В БЕЛОМ. Это не ты ли свистел?

ЯБЛОНЯ В РОЗОВОМ. Нет, не я. Я такие штуки не уважаю...

(*другим тоном*)

За что же ты нам, чёрт с рогами, в морду плюёшь? Думаешь, ты один такой - всё можешь? А другие в коленках слабы? Тут покрепче твоего найдутся. Только наша десятитонка по дождю не потянет, хоть ляжь под неё.

ЯБЛОНЯ В БЕЛОМ. Сочувствую. Да помочь ничем не могу.

ЯБЛОНЯ В РОЗОВОМ. Помощи никто от тебя не просит. А просят, чтобы ты жлобом не был, который за четвертную перед начальством выпендривается. Ей-Богу, перед другими бригадами за тебя совестно. Приняли вроде бы тебя неплохо...

(пауза)

За каким ты чёртом в дождь едешь? Кому глаза колешь? Или хочешь, чтобы нас потом пиявили: вот, мол, был почин, а мы не поддержали?

ЯБЛОНЯ В БЕЛОМ. Я за ваши глаза не отвечаю. А мазик у меня хоть и старенький, да удаленький. Так что я свои 22 ходки сделаю. Смогу - и 23-ю сделаю. Я не геройством занимаюсь. Просто, понимаешь, я на твой 21 гарантированный рублик не согласен.

ЯБЛОНЯ В РОЗОВОМ (*не скрывая ехидства*). Что ж ты раньше молчал? Мы бы тряхнули мощной, насобирали бы тебе по рублику... Давай кепку - пройдусь.

Яблоня в розовом потянулась было к кепке, но Яблоня в белом резко перехватила её руку. Некоторое время они со злостью глядят друг на друга. Глаза в глаза глядят.

ЯБЛОНЯ В РОЗОВОМ (*первой отпуская хватку*). Значит, так? Хорошо не делаешь, Витя, гляди. Учти.

ЯБЛОНЯ В БЕЛОМ. Гляжу. Сам гляди.

На сцене появляется МАЗ.

МАЗ. Он доел, тяжело двигая желваками, выпил прозрачный компот, заедая чёрным хлебом, и встал. Проходя мимо них, Пронякин натягивал кепку так, чтобы локтем прикрыть лицо. Но они на него не глядели. Они были заняты едой и пивом.

Картина шестая

Мы видим на сцене Пронякина и МАЗ. Следом за ним круг выносит Риту и Хомякова, которые, конечно же, появляются не с пустыми руками, а с глыбами руды-синьки. Камни добавляются к другим, принесённым сюда раньше.

МАЗ. Пронякин поднялся из карьера сравнительно легко, по старой своей колее, и застопорил у конторы. В тесном коридоре сидели шофера, разговаривали и смотрели на дождь в распахнутую настежь дверь. Он прошёл мимо них тяжёлым хлюпающим шагом и кулаком распахнул дверь в комнату начальника карьера.

ПРОНЯКИН. Я прошёл по коридору и кулаком распахнул дверь. Хомяков сидел на краю стола и, раскачивая ногой, диктовал севшим монотонным голосом. О песках диктовал, о суглинках, о скальных породах...

МАЗ. На фоне окна плоско темнел силуэт женщины. Она повернулась и вышла на свет - Виктор узнал её.

ПРОНЯКИН. Женщина повернулась, и я узнал в ней Риту. Ту самую, с которой тогда танцевал на пяточке. Она о чём-то меня спросила.

МАЗ. О воде спросила. Она спросила, много ли воды в карьере?

ПРОНЯКИН. Хватает...

Пронякин запускает руку в карман куртки, достаёт несколько камней.

ПРОНЯКИН. Вот, пожалуйста. Это синька. Руда пошла.

МАЗ. Хомяков присмотрелся к кусочкам руды. Потом взял Виктора за локоть неожиданно сильными цепкими пальцами, притянул к себе. Он был спокоен, он снисходительно улыбался.

ПРОНЯКИН. Он улыбался - одними глазами улыбался, сквозь очки. Улыбался, а всё-таки пальцы у него подрагивали. Это отметка 219, сказал он. А умные люди обещали, что промышленный уровень начнётся не раньше 216-го метра. Копать нам ещё, не перекопать!

МАЗ. Выпей воды, сказал он Пронякину. Успокойся. А потом начкарьера вытащил ящик своего стола - он весь до краёв был наполнен такими же осколками.

ПРОНЯКИН (МАЗу - горячо). Точно такими же, понимаешь! До краёв, до самого верха!

(делает несколько шагов)

Наверно, вид у меня был ошарашенный, потому что Рита смотрела на меня участливо, даже с сожалением.

(роняет камни на пол)

А потом Хомяков рассказал, что я уже седьмой, кто приходит к нему с кусками синьки. Но пока это были всего лишь небольшие осколки железной руды среди миллионов тонн глины, песка и гранита.

МАЗ. Виктор стоял, тяжело наклонив голову, сминая и разминая в руках кепку. Он чувствовал себя так, словно его уличили во лжи. А в голове всё звучали слова начальника карьера: «Если бы ты мне машину руды привёз, вот тогда бы...»

ПРОНЯКИН. Да, машину. Полный кузов. Целый экскаваторный ковш этой руды, до которой мы всё-таки докопались. Вот тогда бы... Тогда...

Пронякин оглядывается на МАЗ, выразительно смотрит на него. МАЗ в ответ кивает.

Картина седьмая

На сцене - Яблоньки (они занимают место по краям сцены), МАЗ и Пронякин. Чуть позже появляется Антон с очередным увесистым куском руды.

ЯБЛОНЯ В БЕЛОМ. Экскаватор Антона стоял в самом нижнем забое и был похож на судно, уткнувшееся носом в крутую волну, и стрела ходила снизу вверх.

ЯБЛОНЯ В РОЗОВОМ. «Кажись, в самом деле большая пошла!» - крикнул Антон Пронякину. «Я её разгребаю, дуру, разгребаю, а она всё не кончается».

ЯБЛОНЯ В БЕЛОМ. «Она и не кончится!» - заорал в ответ Виктор. «Она теперь тут до самого центра земли!»

ЯБЛОНЯ В РОЗОВОМ. «Подставляйся!» - пригласил экскаваторщик. «Я тебе ковшик всыплю. Первую повезёшь».

Пронякин выходит на авансцену. Бросается в глаза, что он очень взволнован.

ПРОНЯКИН (*качает головой*). Ковшик? Нет, Антон, на один ковш я не согласен. Ты мне лучше полтора насыпай. В крайнем случае - ковшик с четвертью... Мог бы три взять - три бы взял.

(присаживается на курган из руды)

МАЗ. Тяжёлый ковш закачался над машиной. Лязгая, отвалилась его нижняя губа, и в кузов с железным звоном обрушилась мокрая синька. Самосвал, заскрежетав, осел на рессорах.

ПРОНЯКИН (*весело*). Хорошо кладёшь, Антон! Ещё давай. Ещё!
(вытер лицо рукавом куртки)

Хорошо... Видишь, чем больше кладёшь, тем ей легче.

ЯБЛОНЯ В БЕЛОМ. Виктор посмотрел вверх, на петляющую дорогу, и на миг ему стало страшно. Дождик всё накрапывал.

ЯБЛОНЯ В РОЗОВОМ. Он ехал - одна нога над педалью тормоза, а другой он выжимал до предела подачу топлива. Руки его вцепились в баранку и локтями лежали на ней. Отчаянно балансируя, виляя задом, машина взяла первый подъём. Лицу Пронякина, его спине стало жарко.

МАЗ тяжело, словно преодолевая немислимое препятствие, идёт по кругу.

ПРОНЯКИН (*хрипло*). Тяжела...

(пауза)

А ничего и не тяжела...

(ещё помолчал)

Понимаешь, мне надо... Надо, чтобы я сам привёз. Сам!

ЯБЛОНЯ В БЕЛОМ. И снова он выжал педаль подачи топлива, упёршись плечами в спинку сиденья, и быстро переключил скорость. Стрелка спидометра дрогнула и поползла - так медленно и напряжённо, точно она и тащила перегруженную машину.

ЯБЛОНЯ В РОЗОВОМ. Виктор призвал к себе на помощь всё мужество и злость, всё своё отчаянное умение и лихость шофёра, исколесившего много дорог, бравшего много подъёмов. Он хотел бы передать это всё машине, от которой сейчас он ничего не мог требовать, а мог только просить.

ПРОНЯКИН (*сжав кулаки*). Ну, ещё немножко, милая! Ну вот, ты же умеешь, в тебе же силы столько. Ну, не дрожи, не раскисай, не бойся, ведь руду везёшь!..

ЯБЛОНЯ В БЕЛОМ. Он повернул, стараясь держаться ближе к склону, и опустил руку на рычаг, чтобы притормаживать двигателем, если машина покатится назад. Но всё обошлось, и он вздохнул облегчённо, взобравшись на третий горизонт.

ЯБЛОНЯ В РОЗОВОМ. А машина всё шла - и ничего с ней не случилось, и понемногу страхи его рассеялись, а мысли обратились к тем, кто ждал его там, наверху.

ЯБЛОНЯ В БЕЛОМ. Чаша карьера поворачивалась под ним, как горная долина под крылом самолёта. Она была заткана мельчайшей сетью дождя и дно её терялось в сизой полутьме. Но тут он вспомнил о глине, которую намотал на колёса, - и ему сделалось одиноко и страшно.

ЯБЛОНЯ В РОЗОВОМ. Но вдруг ему пришло в голову такое, отчего снова стало легко и весело. Он увидел себя, как он подъезжает к конторе и вываливает руду прямо в слякоть, в грязь, перед самым крыльцом. А потом стоит и хохочет. И пусть они копаются в ней, перебирая тяжёлые синие осколки.

ПРОНЯКИН. Пусть покопаются!

(*усмехнулся*)

Да я и сам буду копать...

ЯБЛОНЯ В БЕЛОМ. Тут он поднялся на четвёртый горизонт, где уж совсем не пахло затхлой сыростью карьера - только пьянящий запах своей же солярки. Виктор убрал ногу с педали тормоза и поехал, правя одной рукой, высунувшись под дождь и ветер.

ЯБЛОНЯ В РОЗОВОМ. Его охватило странное чувство нереальности всего, что он делает. Как будто это было с ним не теперь, а когда-то давно, может, в детстве. Но между тем справа был мокрый глиняный склон карьера, а слева - обрыв и серое слезящееся небо, и это он, Пронякин Виктор, вёз первую руду с Лозненского карьера.

ПРОНЯКИН (*задумчиво*). Да, это я, Виктор Пронякин, везу первую руду. Руду, о которой уже совсем скоро узнают и в Москве, и в Горьком, и в Орле, и в Иркутске...

ЯБЛОНЯ В БЕЛОМ. А машина всё шла, она приближалась к цели, он чувствовал это каждым нервом, и это было сильное чувство. Даже, пожалуй, слишком сильное, потому что от него нетерпеливо подрагивали руки.

ПРОНЯКИН (*тихо*). Подрагивали... Да... И это уже было плохо...

ЯБЛОНЯ В РОЗОВОМ. Он всё смотрел на дорогу, на комья глины, которые приближались и уходили под колёса. Он смотрел, и ничего не мог с собой поделаться.

ЯБЛОНЯ В БЕЛОМ. Так он поднялся на последний, пятый горизонт и повернул к выездной траншее. Здесь он всегда обгонял другие самосвалы, но сейчас гнать не следовало, а нужно было взять себя в руки, успокоиться и ждать, когда покажутся верхушки яблонь. Он ждал их долго и заждался...

ПРОНЯКИН (*перебивает*). Долго ждал, долго!

(*вскакивает на камни*)

И когда они, наконец, показались - сизые и едва приметные на сером - я даже забыл сказать им обычное: «А вот и мы!» И круто поворотил к ним.

Резкий и громкий звук - будто поблизости кто-то сильно растянул меха гармошки. МАЗ на круге спотыкается и припадает на одно колено.

МАЗ. И вот эти яблоньки дрогнули и медленно поползли - влево, всё влево, к краю ветрового стекла, оставляя за собой прямоугольник пустого хмурого неба. Весь облившись потом, Виктор круто вывернул руль в сторону заноса. Яблоньки остановились, но назад уже не поползли.

Яблони делают быстрый шаг по направлению к Пронякину, тянут к нему руки, словно предлагая помощь. Но он не видит их протянутых рук.

ЯБЛОНЯ В РОЗОВОМ. Он уже гремел, хотя и не знал этого, потому как левое заднее колесо зависло над обрывом и вращалось - бешено и бессильно. А другое колесо, жирно облепленное глиной, слабо буксовало на мокром бетоне.

ЯБЛОНЯ В БЕЛОМ. И он всё понял, когда, вывернув руль ещё и ещё раз, уже не смог поставить на место яблоньки, ползущие влево. Просторная кабина вдруг стала тесной, как ящик.

Пронякин соскальзывает с кургана, но пытается вновь на него забраться.

ПРОНЯКИН. Я бы успел... Успел выскочить, если бы ехал с открытой дверцей... Если бы сиденье было справа... Если бы догадался выскочить в первое мгновение...

(*окончательно соскальзывает с камней*)

Если бы догадался... Если бы... Всё...

Одновременно с этими словами Яблони тоже падают на колени, руки их бессильно опускаются.

ЯБЛОНЯ В РОЗОВОМ. Вдруг он увидел тучи, быстро пронёсшиеся в ветровом стекле, услышал скрежет резины, дробный стук посыпавшейся руды. Пронякин уже не боролся, лишь держался за баранку, смутно надеясь, что машина удержится на четвёртом горизонте.

ЯБЛОНЯ В БЕЛОМ. Машина не удержалась на четвёртом горизонте. Она тяжело сползла и грохнулась о бетон, а потом заскользила и тяжесть руды повлекла её дальше вниз. Виктор увидел белый пласт мела, потом небо, потом коричневый

пласт, снова небо, а затем нарастающий в полутьме свинцово-голубой цвет - цвет океана, приготовившегося к шторму.

МАЗ. Сначала ударило сзади по кабине, и он услышал жалобный вопль сплющиваемого металла. Второй удар пришёлся в борт, и он сполз коленями на пол кабины. Но ударило и в третий раз, и осколки стекла попали в локоть... Последний удар бросил Пронякина на руль - так, что сорвало дыхание и что-то хрустнуло в груди.

ПРОНЯКИН (*тщетно пытаюсь подняться с земли*). Слеплённый, полузадушенный, он услышал тишину. Звенящую тишину.

Картина восьмая

Полутёмная сцена укутана туманом. Туман настолько густой, что наполовину скрывает лодку, на которой можно заметить двоих - Старика и Пронякина. Старик сидит на вёслах, Виктор пристроился на корме. Он задумчиво смотрит на воду, иногда трогает её ладонью. Некоторое время они плывут в полной тишине, которую нарушает лишь негромкий всплеск вёсел.

Но вот заработал поворотный круг. Он выносит на сцену Хомякова.

ХОМЯКОВ. В палате он лежал один, распластанный на широкой кровати, чем-то, должно быть, обложенный под одеялом и затянутый по макушку в бинты. Открытыми были только руки, половина рта и глаз. Бинт на щеке прилегал неплотно, и виднелась матовая смуглость кожи.

(снимает очки, протирает их)

Теперь он был словно отдалён от всех толстой корой бинтов, запахом антисептика и всем видом этой комнаты.

Хомяков машет Виктору рукой, и круг уносит его в темноту. Появляется Рита.

РИТА. Он открыл глаз и слушал, как ветер хлопает где-то форточкой и шумит в мокром лесу. Понемногу Виктор начал задрёмывать, но вскоре ему приснилась боль. Только немного слабее, чем наяву...

(Рита сделала несколько шагов)

Но вот он увидел себя в тамбуре вагона, на нём шинель без погон и вещевого мешок режет плечо. Это он едет к невесте после армии. Два года назад его часть строила в этих местах железнодорожный мост. Неподдалёку, в забытой Богом деревне, они и познакомились. Наталья ждала его два года, вот он и едет к ней.

Рита тоже машет рукой Виктору, который продолжает всматриваться в закрытую туманом воду. На смену Рите круг привозит Антона.

АНТОН. Виктор сошёл на маленькой станции под Камышином. Он ринулся к насыпи, в чёрную темень, он хотел добраться до её дома к рассвету, пока Наталья не уйдёт в поле. Пронякин шёл целый час разъезженной дорогой, пока не почувствовал близость реки. Он навсегда запомнил, как пахла тогда река сочным и молодым запахом осоки, и как туман перед рассветом окутывал камыши. Он стал разыскивать лодочника и нашёл его спящим на пороге своей сторожи.

Старик не испугался ночного пришельца, только закричал с досады и пошёл отвязывать лодку.

(пристально глядит на Пронякина)

Теперь, готовясь к тому, что должно было с ним произойти, Виктор понимал, что всё было хорошо тогда. Может быть, во всей его тридцатилетней жизни только и было два счастливых дня - тот, на маленькой станции под Камышином, и сегодняшний, когда он медленно и трудно поднимался из карьера. Он взял бы всё это с собой в последнюю, самую дальнюю дорогу.

Антон машет рукой Пронякину и уезжает. Вместо него на сцене появляется бригада Мацуева.

МАЦУЕВ. Врач, которого привезли из Белгорода на самолёте, был высок и толст. «Что же ты так, милый?» - сказал хирург, обращаясь к Пронякину.

ФЁДОР. С Виктора сняли одеяло, стащили грелки и бутылки с тёплой водой, перевернули на живот. Он зажмурился и стиснул зубы. Он не знал, сколько это продолжалось - минуту или час, потому что сразу же зарычал и провалился в лиловую пустоту, как только чьи-то пальцы вошли ему под затылок.

ГЕНКА. Когда он очнулся, то опять лежал на спине, а хирург смотрел на него. Пронякин видел его одним глазом и не мог понять, далеко ли он сидит. «Что же ты так, милый?» - опять спросил врач. Виктор виновато вздохнул. Глаз ему застлала слеза.

КОСИЧКИН. А среди ночи он проснулся с тревожным ощущением, что с ним сейчас, вот через минуту, что-то произойдёт. Это ощущение было сильнее, чем свежий надрез на затылке, и отчасти знакомо ему. Как будто на вечеринке хватил лишнего и почувствовал себя скверно, а теперь надо быстрее на свежий воздух. И тут боль опять взялась за него и не отпускала. Виктор хотел позвать сестру и не мог позвать, потому что перехватило дыхание.

ПРОХОР. Вокруг была темнота - наверно, все ушли и плотно прикрыли дверь. Дыхание опять вернулось, боль начала утихать. Он старался нарочно дышать громче и ровнее ведь он знал, что все - и доктор, и сестра, и Рита, и Антон, и начкарьера, и все ребята из его бригады - все хотели слышать его дыхание. Если бы он мог увидеть сейчас своё лицо, он бы узнал, что трудная складка возле его рта, наконец, разгладилась.

МАЦУЕВ. Подул ветер, снова хлопнула форточка. Где-то совсем близко прошла по грязи машина, косые отсветы фар заплескали на стенах, ломаясь на потолке. Тьма начала приобретать серо-голубой цвет глины в карьере. Виктору показалось, что его койка поднялась на метр от пола и поплыла вперёд, как лодка, и бесшумно преодолела пределы комнаты. Он плыл, покачиваясь, в эту даль, над мокрым лесом, над дорогой, петляющей по склону, и ему становилось всё легче, всё спокойнее, и уже почти исчезло воспоминание о боли. Потом что-то прохладное, шелковистое окутало его лицо, и Пронякин подумал, что это листья, холодные и трепещущие от ветра.

Товарищи по бригаде машут Виктору рукой и уплывают в закулисы.

Пронякин вздрагивает - словно от долгого сна очнулся. Он встаёт, оглядывается. Вышагивает из лодки, медленно подходит к краю сцены.

ПРОНЯКИН. Подробности этой истории не было в газете, которая как раз поспела к торжественному митингу, организованному по поводу большой руды. На первой полосе был помещён снимок бригады. Они улыбались. И Пронякин улыбался тоже. Но он улыбался другой улыбкой и был неловко подвёрстан к плечу Мацуева, потому что клише пришлось изготовить со старой фотографии Пронякина, которую Антон разыскал в его тумбочке. На этой фотографии Виктор был в новой шляпе, которую, конечно, при монтаже отрезали, а вместо неё подретушировали причёску, отчего он вышел на снимке жгучим брюнетом. Этот номер до сих пор хранился у многих в Рудногорске, и очень юный брюнет в модном галстуке, с папироской в углу рта, странно выделяется среди комбинезонов и ватников.

И мало кто помнит его таким, каким он был в тот сентябрьский ветреный день, когда он стоял на поверхности земли, над чашей карьера - в парусиновых штанах, в куртке на «молниях», в кепке, низко надвинутой на глаза.

Затемнение

Вместо эпилога

Из-за кулис раздаётся звук гармоники, наигрывающей лирическую мелодию. Вскоре перед нами предстаёт Миша. На нём всё та же бархатная курточка, грубые сапоги. Замызганная фуражка заливчатски сдвинута набекрень.

По обе стороны от Миши - улыбающиеся Яблоньки в нарядных сарафанах. Они держат Мишу под руки и то и дело норовят прижаться к плечу любимца местных девушек.

«Работа у нас такая, забота наша простая,
Была бы руда большая,
И нету других забот...» - самозабвенно выводят Яблоньки, нежно поглядывая на Мишу.

Не замечающая ничего вокруг себя троица медленно проходит по сцене и снова исчезает за кулисами. До зрителей ещё долго доносятся отзвуки песни про большую руду. Откуда-то издали доносятся.

Занавес